

ЖИВЕТ человек. В детстве он хотел добраться до конца конца, увидеть стену, которая продолжается от земли до самого неба, и вся сделана из дождя. Будет что-то, дождь, кончится одно и, возникает другое...

Он давно уже взрослый. И все, что было в детстве, ему казалось забытым. Но совсем недавно он увидел солнце и стену, сделанную из летящей воды и дождя. А когда сел в машину, чтобы ехать дальше, то сел не взрослым человеком, а снова мальчишкой. Ничего не было пережито.

Где же кончается детство? Где оно начинается? И сколько у него намерений?

Мы говорим уже больше та-са. Скоро начало спектакля. В кабинет главного режиссера Ленинградского театра юных зрителей доносятся первый звонок.

— А, по-моему, детство должно продолжаться как можно дольше, — говорит З. Я. Корогодский. — И может быть, оно вообще не должно иметь конца. Как у Гайдара или Сент-Экзюпери... А в нашей работе особенно важно, чтобы детство не исчезало...

Третий звонок. Начинается «Волшебное стекло».

Это первая сказка режиссера З. Я. Корогодского на сцене Лентеатра. Всёго несколько лет назад принял он этот театр, бесменным руководителем которого на протяжении сорока с лишним лет был выдающийся режиссер, педагог и актер А. А. Брянцев, выработавший программу детских театров, как театров «педагогических». З. Я. Корогодский в целом принял эту программу и стал искать свои пути к зрителю — этого требует время, к этому зовет его собственная режиссерская и человеческая индивидуальность.

И показалаась далеко не случайной обретенная им фраза о детстве.

Карел Чапек написал сказку о добром человеке почтальоне Колбае, который хотел, чтобы люди были счастливы. Как он может помочь им? Он вовремя доставляет почту. Осень, зиму, весну, лето, потом снова осень ходит Колбаа по белому свету в поисках девушки Марженики, которая ядет письма от любимого. А оно в сумке поч-

тальона и не может быть адресовано.

Возвращаясь из трех часов Чапек сделал специальную постановку. Это был своего рода эксперимент — сказка без остро, заманчивого сюжета. Правда, Колбаа (арт. Карамышев) попадает то к разбойникам, то в тюрьму, его обманывают, обводят вокруг пальца. Но эти приключения в спектакле — не самоцель. Они раскрывают нравственную красоту героя. А гармония цвета, красок, декораций, костюмов, музыки, пластическая выразительность актерского ансамбля олицетворяет в поэзию вечного человеческого бытия.

Действие разворачивается

ГДЕ КОНЧАЕТСЯ ДОЖДЬ

непринужденно. Какнется, никто и не думает поучать зрителей — просто красивое, умное зрелище. И вдруг дети начинают любить Колбабу, замечают его человечность, отношение к своему делу. Так, исподволь, хитро и неправомерно, учитель «лобзается» режиссер к ребенку.

И все для детей радость в этом спектакле, все праздники — он будоражит фантазию, развивает вкус (оформление художника Н. Ивановой — очень точно и изящно), восхищает красотой мира и человека.

СКОЛЬКО же измерений у детства?

Растется с рогадкой, забросит любимую куклу... и детство кончилось? Формально — да. «Детство кончилось, а юность не началась. Возможно, это самый трудный возраст для самого человека», — говорил Александр Александрович Брянцев.

Тебе хочется, чтобы твой отец был героем, а он самый обыкновенный, и ты начинаешь искать образец для подражания — в книге, в фильме, в спектакле. Ты хочешь сам быть героем и придумываешь игру в войну — несешься вперед воображаемого отряда. Ты пока не задумываешься над тем, что кончается одно и возникает совсем другое. Детство принадлежит тебе.

Значит, героиня. Но какая? Это может быть и спектакль о прошлом. Но тогда он должен быть таким же стремительным, темпераментным, игровым, как фантазия подростка, решает З. Я. Корогодский. Он ставит — и

осмыслить это первый его спектакль в Лентеатре для среднего возраста — «Олеко Дунди» М. Каца и А. Ржевского.

Как учащено иногда бьется пульс ребенка, так учащен ритм спектакля. Это вихрь, стихия, неожиданная комедия в самых серьезных местах, это почти «Три мушкетера», это игра, Олеко — герой, пламенный, бунтующий, страстно жаждущий, с солдатами в крови, звезда победителей (заслуженный артист РСФСР Е. Шевченко). Со своими «мушкетерами» Мирно, Драгим, Паличем совершает Олеко такие головокружительные подвиги во имя революции, что дух захватывает у зрителей. В ленинградских дворах мальчишки играют в Олеко-справедливого и в десятки раз режут на спектакль.

ГДЕ же кончается детство? Детство — это искренность, это жизнь без лицемерия и фальши, где все на самом деле, все заправду; где слова обозначают именно то, что они обозначают, где нет плохих поступков и плохих мыслей. Детство не терпит неверия.

Юность — пора размышлений, осмысления самого себя, мира, категоричность оценок, пора первой любви и ощутимых столкновений с жизнью.

Детский театр отвечает за этот возраст, как за любой другой. Ибо пора эта полна неожиданностей, невероятных скачков от детских поступков до зрелых суждений и нуждается поэтому в самом внимательнейшем внимании. Поэтому и пришли в Лентеатр пьесы для юношества. Вначале это были «Коллеги» В. Аксенова. Недавно состоялась премьера первой пьесы писателя Манса Бременера, написанной специально для этого театра.

С высоты спускается плакат: мальчишка, угловатый и нескладный, смотрит раздумчиво и серьезно — «Тебе повяжется».

Ты написал ей стихи: «Мне без тебя так трудно жить: все неутоно, все тревожит... Ты мир не можешь заменить, но ведь и он тебя не может». Ты пришел на школьный конкурс чтецов и поэтов. Она сидит за партой — второй, справа. Ты читаешь для нее. А потом встает твой одноклассник Миша и говорит: грусть, тревога, какая-то ро-

бость — разве мы так дуем и чувствуем? Выходит, любовь может заменить ему и учебу, и общественную работу, и культурные развлечения, и дружбу, и, ваятия спортом. А руководитель школьного кружка художественного зрелища Глеб Анисимович еще присовокупляет у молодежи преобладают иные настроения, беда Ромадина в том, что он не выразил чувств своих сверстников. А потом тебе объявляют, что на конкурсе присудовала радиожурналистка, у нее что-то такое там не записалось, и считаешь все это как бы репетицией, а спектакль будет завтра, и по телевизору покажут. Как бы ты поступил в случае, если бы тебя заставляли инсценировать искренность, естественность первого порыва? Размышлять над этим зрителю предоставляется еще очень долго и

после спектакля. Сейчас он идет поступком от автора этих стихов, своего сверстника, девятиклассника Виталия Ромадина (в пьесе — стихи поэта Котжакина).

Виталий приходит на «спектакль». «У тебя свои? Или чужие будешь художественно читать?» — заучено повторяет тот самый Миша Матвеев.

— Нет, не свои... «Коллекционеры мои, цветники степные, что глядите на меня, темно-голубые...» Музыка покрывает последние строчки стихов.

Стихи, знакомые с детства, казавшиеся такими простыми и наивными, зазвучали программно. Будьте внимательны к юности, берегите ее порывы, не рубите с плеча, доверяйте ей. Это голос автора, голе режиссера. Виталий протестует не тем, что читает «чужие» стихи, а тем, что прочел именно такие. Редко какой спектакль кончается на такой высокой, звонкой ноте. Это большая удача пьесы — не растерять мысль, а подвести ее, как итог, к самому финалу.

На наших глазах, в столкновении с судьбами многих людей происходит становление самосознания юности. Сначала он растерян. Когда Миша своеобразно «извинился» — ты, мол, не сердись на меня, это я от неожиданности сказал плохое, Виталий недоуменно спрашивает своего товарища Женю: «Но почему он от неожиданности хорошее не

сказал?». Постепенно личность обретает черты: «Если бы нужно было совершить героический поступок и рядом со мной были действительно смелые люди, я бы, наверное, дал им себя опередить, и только, если бы уж некому было быть героем, тут я, наверное, сумел бы... Это ничего?».

Такой юноша, каким мы видим его на сцене (в исполнении умника студии при Лентеатре Ю. Тараторкина), навсегда сохранит в себе детство. Но он еще не умеет отстаивать свои принципы. А между тем и на трупповской сцене настало время для героя решительного действия, который бы точно знал, во имя чего и для чего он действует. В этом смысле «Тебе посвящается» остается пока шагом к такому герою.

Время убрало из труппы скупую, стилизованную, нераскрывающую мальчишек. Время привело на сцену наивных ребят, «рубящих» мебель — им кажется, что так они могут расчиститься с мешаниной. Нравственное напряжение, которого требуют от героев пьес сегодняшние будни, должно быть выше, действеннее, масштабнее.

ТРИ спектакля — и сколько измерений детства! Корогодский доверяет фантазии детей (его постановки ярко театральны и современны), их умению видеть мир многогранным, их жажде героического. Театр помогает им добраться до конца дождя и основать себя.

Высокое и чистое понятие детства — это и потребность в глубоком познании мира, беспощадная непримиримость ко злу, решительность в действиях, устремленность в будущее, глубина чувств и мыслей. Детство и этого номера не хочется видеть в твое.

При мне как-то сказали: «Тюя — это скучно. Лучше пойду в театр». Побывайте в Ленинградском театре, и вы убедитесь, что вы в театре «детской радости», как говорил А. А. Брянцев.

Нет, не хочется знать, где кончается детство. У него много измерений. Хочется видеть солнце и стену, сделанную из летящей воды и дождя.

Л. КУДРЯВЦЕВА.
(Нам спец. корр.).

г. Ленинград.